

Квай-Гон был жив.

Квай-Гон был жив .

Мужчина полудержал Оби-Вана, пытаясь поставить одну ногу перед другой.

Но Сила поможет ему, если смерть от электрического тока окажется не такой болезненной, как пребывание рядом со своим старым хозяином.

Человек, который и понятия не имел, кем он стал, и о том, какая у них общая история.

Оби-Ван не мог даже смотреть на это слишком знакомое лицо. Он чувствовал как беспокойство Квай-Гона, так и его спокойное заверение.

Видимо, они сделали достаточно для изменения временной линии, чтобы Квай-Гон, похоже, был готов простить его за уход из Ордена.

Но не это вызывало у Оби-Вана тошноту.

Это он виноват в смерти Квай-Гона. Он виноват в том, что его стареющий учитель в одиночку противостоял ситу.

Он был виноват в том, что Сатина умерла таким же образом.

Кроме того, если Оби-Ван немного углубился в свой собственный океан недостатков и обид, он был зол на Квай-Гона.

Злится, что этот человек оттеснил его в сторону ради Энакина, а потом имел наглость сказать, что его переживания по поводу кривляющегося "Избранного" были его последними словами, когда он умирал на руках у Оби-Вана.

Он не завидовал Энакину, как то и дело обвинял его ученик.

Нет, проблемы были исключительно между Оби-Ваном и Квай-Гоном. Оби-Вану было просто обидно, что после двенадцати лет испытаний, путешествий по галактике, совместного противостояния жизни и смерти он оказался недостаточно хорош для Квай-Гона.

Он не смог заслужить уважения этого человека, не проявил должной вежливости и не стал выпускать его в рыцари, прежде чем брать другого ученика.

Вы гораздо мудрее меня.

Что это был за Банта-Шит?

Да еще и с учеником, который не воспитывался в Ордене? Квай-Гон мог быть отъявленным маньяком, но он им не был.

В подростковом возрасте Оби-Ван не мог противостоять Квай-Гону, а лишь открыто следовал правилам. К тому времени, когда ему предстояло обучать Энакина, он, вероятно, знал этикет Храма лучше, чем Йода.

Энакин тем временем все еще приспосабливался к новым условиям строгих требований рыцарей-джедаев, одновременно с этим смиряясь с тем, что он свободный человек.

Оби-Ван изо всех сил старался помочь, но каркающий канцлер понимал, как помочь Энакину, лучше, чем он. И все же Палпатин был наставником, которого Оби-Ван мог полностью одобрить, зная, что такой политически влиятельный человек стремился использовать Энакина, "Избранного", в дальнейшем.

Конечно, когда он осмеливался высказать Энакину свои сомнения по поводу Палпатина, тот сразу же срывался на Оби-Ване.

В конце концов, Энакин стал настоящим мужчиной и рыцарем-джедаем, и Оби-Ван гордился тем, что знал его и наставлял. Однако при прочих равных условиях Оби-Ван пожертвовал собственной свободой, чтобы определить, кем ему быть, каким рыцарем он хотел стать в зрелом возрасте. Вместо этого ему пришлось подстраиваться под нужды своего падавана. Потому что в конце концов он должен был поставить Энакина на первое место.

Энакин всегда был на первом месте.

Но сейчас Энакин еще даже не родился, и у Оби-Вана был шанс поставить себя на первое место.

Хотел ли он присоединиться к джедаям, зная, до чего опустится Орден, когда Республика начнет вращаться сама с собой? Или он думал, что они смогут изменить свою судьбу?

"Мы уже почти пришли, падаван, - подбодрил его Квай-Гон.

Падаван

Квай-Гон продолжал называть его так, несмотря на то, что Совет или он сам с ним не советовались.

Что было весьма характерно для Квай-Гона.

По крайней мере, Оби-Ван почувствовал облегчение: если он решит вернуться в Орден, ему не придется умолять.

Потому что он не смог бы, не смог бы снова. В прошлый раз он унился перед Советом. Теперь, когда он видел себя одним из них, он не был уверен, что сможет выдержать такое грубое, такое пренебрежительное обращение, когда они были его ровесниками, когда они так недавно разговаривали с Асокой в их прежнее время.

Изгнать Асоку, когда они сами были неправы.

Оби-Ван также не был уверен, что сможет повторить попытку с Квай-Гоном. Мастером, который унизил его перед всем Высшим советом джедаев, осудив его.

Конечно, с живым Квай-Гоном он не мог обсуждать эту тему, так же как не мог упасть к ногам этого человека и просить у него прощения за то, что позволил ему умереть.

Квай-Гон не понял бы, а Оби-Ван, если и имел на то право, никогда бы не понял.

Мастер Че приветствовал его низким шипением: "Что с ним случилось?"

Коди, который передал Ксанатоса и Брука охраннику Храма у лифтов, ответил за него: "Его пытали электрическим штырем".

Оби-Ван усмехнулся: "Вряд ли это можно назвать пыткой. Он явно хотел затянуть дело, но мощность была слишком мала. Он не знал, что делает".

Мастер Че резко остановилась и, глядя на него с нечитаемым выражением лица, спросила: "Ты критикуешь то, как мучитель пытал тебя, потому что это было недостаточно больно?"

Квай-Гон не произнес ни слова, но он чувствовал, как взгляд Учителя буравит его череп, вероятно, пытаясь заставить Оби-Вана посмотреть на него.

Но Оби-Ван не мог этого сделать, не сломавшись.

Все его воспоминания остались с ним, но его химический состав оставался гормональным подростком, и он изо всех сил старался держать себя в руках.

Ему пришлось подавить свои эмоции и отдать излишки Силе.

Позже, когда он будет один и в безопасности, и, возможно, Коди будет охранять дверь, он сможет позволить себе сломаться.

Но не сейчас, не здесь и никогда не в присутствии Квай-Гона.

Ему хватило унижений на всю жизнь.

Нет. Он понял.

Он всю жизнь стремился стать джедаем. Но каждая вежа ознаменовывала новую горько-сладкую главу.

Он стал падаваном, а затем - падаваном с большим количеством оговорок, которые невозможно перечислить.

Он стал рыцарем ценой потери Учителя и убийства - во всяком случае, в основном убийства - врага, который спустя годы придет, чтобы убить другого дорогого ему человека.

У него появился свой ученик, только не тот, кого он выбрал, а тот, против обучения которого протестовал его гроссмейстер.

Он поднялся до звания Мастера, потому что началась война, и он зашел в тупик с обучением Энакина.

Он получил звание члена Высшего совета, потому что у него был язык политика и потому что он был искусен в войне. Ни то, ни другое не вызывало восхищения в Ордене.

Чем ему действительно стоит гордиться? И хочет ли он повторить все это снова?

Он потрясенно понял, что это не так.

Не то чтобы он куда-то еще хотел отправиться. Возможно, он отправился бы на Мандалор, планету, на которой никогда не было скучно, поскольку она всегда находилась на грани гражданской войны, но герцогиня Сатина в это время была еще ребенком. И неважно, сколько лет ему было физически, он всегда будет старше ее на двадцать шесть лет.

Но то, что ему некуда было идти, не было достаточно веской причиной, чтобы остаться.

Асока, однако, была.

Она была еще очень молода, и, хотя война и подкосила ее, она могла бы думать об Ордене по-другому, когда война была бы уже далеко.

Если она действительно хочет остаться, он не бросит ее.

Больше нет.

<http://tl.rulate.ru/book/104060/3631672>